

У. Бек, Н. Шнайдер

ОТКРЫВАЯ КОСМОПОЛИТИЗМ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ¹

Ключевые слова: космополитизм, методологический космополитизм, методологический национализм, социальная теория

¹ Beck U., Sznaider N. 2006. *Unpacking Cosmopolitanism for the Social Sciences: a Research Agenda // British Journal of Sociology. Vol. 57. № 1.* Перевод публикуется с любезного согласия John Wiley & Sons Ltd.

² См. также дискуссию по «публичной социологии» (Burawoy 2005) и специальный выпуск «British Journal of Sociology», посвященный космополитической социологии (British Journal of Sociology. 2006. Vol. 57. № 1).

³ Weber 2002: 148. (Перевод приводится по изданию: Вебер М. 1990. *Избранные произведения.* — М. С. 414. — Пер.)

В начале XXI в. мы становимся свидетелями глобальной трансформации современности, требующей переосмысления гуманитарных и общественных наук. Период после Второй мировой войны был золотым веком для общественно-научных исследований, базировавшихся на бесконечных исторических «отнесениях к ценности» («Wertbeziehungen», Макс Вебер), казавшихся естественными. Гуманитарные и общественные науки извлекли урок из крушения нацистского варварства — они приняли участие в построении государства всеобщего благосостояния и процессах деколонизации, либерализации и демократизации по всему миру и включились в социальные движения, бросавшие вызов технократическим системам и всем видам господства и несправедливости.

Золотой век подобного культурного, политического и общественно-научного «отнесения к ценности», безусловно, закончился². Еще столетие назад Макс Вебер сформулировал свои выводы применительно к историческим дисциплинам: «Однако наступит момент, когда краски станут иными: возникнет неуверенность в значении бессознательно применяемых точек зрения, в сумерках будет утерян путь. Свет, озарявший важные проблемы культуры, рассеется вдали. Тогда и наука изменит свою позицию и свой понятийный аппарат, с тем чтобы взирать на поток событий с вершин человеческой мысли»³.

На самом деле основная идея этого специального выпуска «British Journal of Sociology» состоит в том, что свет, которым озаряло «важные проблемы культуры» национально-государственное понимание общества и политики, сместился в направлении космополитической перспективы. В этих условиях гуманитарным и общественным наукам следует подготовиться к трансформации своих собственных позиций и концептуального аппарата, то есть всерьез принять космополитизм в качестве исследовательской повестки дня и обратить внимание на ряд ключевых концептуальных, методологических, эмпирических и нормативных вопросов, которые космополитизация реальности ставит перед общественными науками. Интеллектуальное предприятие по перепределиванию космополитизма трансдисциплинарно, оно включает в себя географию, антропологию, этнологию, международные отношения, международное право, политическую философию и политическую

⁴ См. Beck, Sznaider 2006

теорию, а теперь и социологию и социальную теорию⁴. Термин «космополитизм», конечно, является спорным, и у него нет единого толкования в постоянно расширяющейся литературе. Границы, отделяющие его от конкурирующих понятий, таких как «глобализация», «транснационализм», «универсализм», «глокализация» и т.д., остаются нечеткими, и он пронизан изнутри разнообразными линиями разлома. Тем не менее мы будем утверждать, что неокосмополитизм («реалистический космополитизм», или «космополитический реализм») в общественных науках есть вполне поддающееся идентификации интеллектуальное направление, которому присущи как минимум три взаимосвязанные установки.

Во-первых, это *критика методологического национализма*, лишающего традиционную социологию возможности увидеть многомерный процесс изменений, который необратимо трансформирует саму природу социального мира и место государств в этом мире. Методологический национализм не означает (как это предполагает, скажем, термин «методологический индивидуализм»), что один или несколько социологов сознательно разработали *эксплицитную* методологию (теорию), базирующуюся на *четко выраженном* национализме. Речь идет скорее о том, что, проводя исследования и создавая теории, обществоведы считают само собой разумеющимся, что общество равнозначно национальному обществу, как это делает Дюркгейм, когда размышляет об интеграции общества. Он, бесспорно, имеет в виду интеграцию *национального* общества (французского), при том что не упоминает и даже не задумывается об этом. В действительности отсутствие прилагательного «национальный» в универсальном языке не только не опровергает методологический национализм, но иногда может даже свидетельствовать о нем. Так происходит в случае, когда *практика* аргументирования или исследования предполагает, что единицей анализа выступает национальное общество или национальное государство либо их комбинация. Методологический национализм — это понятие, относящееся не к сфере методологии, а к социологии социологии или к социологии социальной теории.

Во-вторых, это разделяемая [всеми представителями данного направления] убежденность в том, что XXI столетие становится эрой космополитизма, которую можно и следует сравнивать с другими историческими периодами космополитизма — например, во времена Древней Греции, империи Александра или Просвещения. В 1960-х годах Ханна Арендт анализировала *состояние человека*, в 1970-х Франсуа Лиотар — *состояние постмодерна*. Сейчас, в начале XXI в., нам нужно выявить, отобразить и понять состояние космополитизма.

В-третьих, это общая посылка, согласно которой для решения данной задачи требуется некий «*методологический космополитизм*». Конечно, вопрос о том, что это такое, вызывает немало споров. Главным для нас является то обстоятельство, что дуальные оппозиции «глобальное—локальное», «национальное—международное», «мы—они» разделились и слились воедино в новых формах, которые нуждаются

в концептуальном и эмпирическом анализе. Отсюда следует, что понятие и феномен космополитизма лишены пространственного значения, сам термин не привязан к «космосу» или «земному шару» и, безусловно, не охватывает «все». Специфические проявления принципа космополитизма можно найти на любом уровне и в любой сфере социальной и политической деятельности: в международных организациях, в бинациональных семьях, в соседских сообществах, в глобальных городах, в транснациональных военных организациях, в управлении многонациональным сотрудничеством, в производственных сетях, в правозащитных организациях, среди экологических активистов и в парадоксальной глобальной оппозиции глобализации.

**Критика
методологического
национализма**

Методологический национализм принимает без доказательств следующие посылки: он отождествляет общества как таковые с обществами наций-государств и видит в государствах и их правительствах главное направление общественно-научного анализа. Он исходит из того, что человечество естественным образом поделено на небольшое число наций, которые организуют себя изнутри как нации-государства и отгораживаются извне границами, дабы обособиться от других наций-государств. Более того, это внешнее отграничение, а также конкуренция между нациями-государствами рассматриваются в качестве наиболее фундаментальных категорий политической организации.

В соответствии с постулатами общественных наук, социальные границы «склеены» с государственными, и социальное действие происходит в первую очередь внутри этих барьеров и только во вторую — поверх них.

«[Подобно филателистам], собирающим марки... обществоведы коллекционировали особые национальные социальные формы. Японские производственные отношения, немецкий национальный характер, американская конституция, британская классовая система, не говоря уже о более экзотических институтах племенных обществ, служили валютой для социальных исследований. Поэтому ключевые общественно-научные дисциплины, чьи интеллектуальные традиции являются ориентирами друг для друга и для других областей, были *одомашнены* — в том смысле, что занимались не западной или мировой цивилизацией как целостностями, а „домашними“ формами конкретных национальных обществ»⁵.

⁵ Shaw 2000: 68.

Критику методологического национализма не следует смешивать с тезисом о конце нации-государства. Критики методологического индивидуализма отнюдь не провозглашают конец индивида. Нации-государства (как показывают все исследования, в том числе и публикуемые в этом выпуске [British Journal of Sociology]) будут по-прежнему процветать или преобразуются в транснациональные государства. В чем же тогда состоит главный пункт критики методологического национализма? В том, что тот принимает категории практики за категории анализа.

Решающим аргументом является то, что *национальная организация как структурирующий принцип социального и политического действия больше не может выступать в качестве определяющего ориентира для наблюдателей-обществоведов*. Вне космополитической перспективы нельзя понять даже тренд к ренационализации или ретннизации в Западной либо Восточной Европе. В этом смысле общественные науки смогут адекватно ответить на вызов глобализации только при условии, если им удастся преодолеть методологический национализм и поставить ключевые в эмпирическом и теоретическом плане вопросы в рамках специализированных исследовательских областей и тем самым заложить основания новой космополитической общественной науки.

По мнению многих авторов, в том числе и представленных в этом выпуске [British Journal of Sociology], растущий дискурс о космополитизме несет в себе опасность слияния идеального с реальным, ибо то, чем космополитизм *является*, в конечном счете нельзя отделить от того, чем он *должен быть*. Но то же самое относится и к национализму. Небольшое, но важное отличие заключается в том, что в случае национализма ценностное суждение обществоведов остается незамеченным, поскольку методологический национализм включает в себя укоренившееся представление о нациях как о реальных сообществах. В случае же космополитического «отнесения к ценности» (Wertbeziehung) эта молчаливая приверженность сфокусированному на нации-государстве взгляду в социологии, напротив, оказывается проблематичной.

Для того чтобы раскрыть смысл вышесказанного, следует развести точки зрения *актора* и *наблюдателя*. Это означает, что необходимо провести четкое различие между *методологическим* и *нормативным* национализмом. Первый связан с углом зрения наблюдателя-обществоведа, тогда как второй отсылает к переговорным перспективам политических акторов. В нормативном плане национализм подразумевает, что каждая нация имеет право на самобытность и самоопределение в пределах своих культурных, политических и даже географических границ. Методологический национализм рассматривает это нормативное требование как социально-онтологическую данность и вместе с тем сопрягает его с наиболее значимыми конфликтными и организационными ориентациями общества и политики. Эти основополагающие догматы превратились в главную перцепционную рамку общественных наук. В действительности эта общественно-научная установка является частью самопонимания нации-государства. Национальный взгляд на общество и политику, право, справедливость, память и историю определяет социологическое воображение. В какой-то мере бóльшая часть общественных наук превратилась в узника нации-государства. То, что это не всегда так, показано в работе Брайана Тернера, опубликованной в этом выпуске [British Journal of Sociology]⁶. Это, конечно, не означает, что космополитическая общественная наука может и должна игнорировать различные национальные традиции права, истории, политики и памяти. Эти традиции существуют и становятся частью нашей космопо-

⁶ Turner 2006: 133—151.

литической методологии. Сравнительный анализ обществ, международных отношений, политическая теория и значительная часть истории и права — все это, в сущности, строится на методологическом национализме. Это справедливо в том плане, что большинство позиций в современных спорах по поводу глобализации в общественной и политической науке можно систематически интерпретировать как трансдисциплинарные рефлексии, связанные с методологическим национализмом.

Эти послышки структурируют и эмпирические исследования, например, в плане выбора статистических показателей, которые почти всегда оказываются исключительно национальными. В связи с этим опровергнуть методологический национализм со строго эмпирической точки зрения трудно, даже практически невозможно, поскольку на нем основаны очень многие статистические категории и процедуры исследования. Поэтому для будущего развития общественных наук исторически важно, чтобы методологический национализм, а также смежные категории восприятия и дисциплинарной структуры подверглись теоретической, эмпирической и организационной переоценке и реформированию.

Что здесь поставлено на карту? В то время как в случае государствоцентричного подхода присутствует историческое соответствие между нормативным и методологическим национализмом (и именно по этой причине данное соответствие в основном оставалось скрытым), в отношениях между нормативным и методологическим космополитизмом такого соответствия нет. В действительности дело обстоит прямо противоположным образом: даже ренационализацию или ретннизацию умов, культур и институтов следует анализировать в космополитической системе координат.

Космополитическая общественная наука ведет к систематическому разрушению процесса, посредством которого национальный взгляд на политику и общество, а также методологический национализм в политической науке, социологии, истории и праве подкрепляют и усиливают друг друга в своих толкованиях реальности. В силу этого она охватывает также (что раньше было исключено *аналитически* по причине своего рода заговора молчания конфликтующих базовых убеждений) разнообразные версии становления безграничных политики и общества, соответствующие исследовательские вопросы и программы, стратегическое расширение национальных и международных политических областей, равно как и наиболее существенные трансформации в сферах государства, политики и общества.

Эта парадигматическая де- и реконструкция общественных наук, связанная с переходом от национального к космополитическому углу зрения, может быть понята и методологически оправдана как «позитивный сдвиг проблемы»⁷, как расширение горизонтов для общественно-научных исследований, позволяющее увидеть новые реалии и стимулирующее новые исследовательские программы⁸. На фоне космополитической общественной науки вдруг становится очевидным, что невозможно ни четко разделить национальное и международное, ни, соответственно,

⁷ Lakatos 1970.

⁸ Beck, Lau 2005; Beck, Bonss, Lau 2003: 1–35.

провести убедительную границу между гомогенными единицами. Национальные пространства денационализировались, так что национальное уже больше не является национальным, равно как международное больше не является международным. Возникают новые реалии — новое отбражение пространства и времени, новые координаты социального и политического, которые должны быть теоретически и эмпирически исследованы и проработаны.

Это влечет за собой пересмотр базовых концептов «современного общества». Понятия «домохозяйство», «семья», «класс», «социальное неравенство», «демократия», «власть», «государство», «торговля», «народ», «сообщество», «справедливость», «право», «история», «память» и «политика» должны быть освобождены от оков методологического национализма, переосмыслены и эмпирически помещены в рамки новой космополитической общественной и политической науки. Трудно уменьшить масштаб этой задачи. Но, тем не менее, нужно взяться за ее решение, если общественные науки не хотят превратиться в музей вышедших из употребления идей.

**Структура
и нормативность:
космополитическое
состояние
и космополитический
момент**

Для того чтобы раскрыть смысл космополитизма, необходимо провести еще одно важное различие, а именно между нормативно-философским и аналитико-эмпирическим космополитизмом или, другими словами, между космополитическим *состоянием* и космополитическим *моментом*. До сих пор большая часть общественно-научного дискурса рассматривала космополитизм как моральную и политическую позицию, как общую нормативно-философскую убежденность в примате мирового гражданства над всеми национальными, религиозными, культурными, этническими и другими парохияльными принадлежностями, дополняя такую трактовку пониманием космополитизма как установки или биографической ситуации, в которой культурные противоречия мира неравномерно распределены не только во внешней среде, но и в жизни самого индивида. Вчерашний мир, превращенный в утопическое будущее и подправленный социальными мыслителями, возносит «бесприютность», «изменчивость», «текучесть» и «мобильность» на новую высоту. «Космополитизм» — это «дворянское кольцо» плебейской эпохи, «благородство» (nobility) Канта в эпоху постмодерна. Это тот самый тип космополитизма, который с древних времен знаком философам, но чужд обществоведам. Космополитизм здесь отождествляется с рефлексивным космополитизмом. Такое видение космополитизма включает в себя представление о том, что склонный к саморефлексии глобальный век открывает пространство, в котором старые космополитические идеалы могут и должны быть переведены и перестроены в конкретные социальные реалии, а философия превратиться в социологию. Тем не менее необходимо задаться вопросом о том, почему космополитический момент наступил именно сейчас, в начале XXI столетия, и найти на него ответ.

С другой стороны, дискурс о космополитизме до сих пор, по сути, игнорировал тот факт, что, помимо целенаправленного, есть и *невольный, непосредственный* космополитизм и он приобретает все большее значение. [Речь идет о] растущей взаимозависимости социальных акторов поверх национальных границ (которую можно заметить только при космополитическом угле зрения), и специфика [ситуации] заключается в том, что такая «космополитизация» происходит как непредусмотренный, незаметный *побочный эффект* действий, которые не задумывались в качестве «космополитических» в нормативном смысле. Только при определенных обстоятельствах эта латентная космополитизация приводит к возникновению глобальной публичной сферы, глобальных дискуссионных форумов и глобальных режимов, связанных с транснациональными конфликтами («институционализированный космополитизм»). Суммируя все эти аспекты, мы говорим о *космополитическом состоянии* в противовес *состоянию постмодерна*.

Космополитическое состояние. Если мы четко разграничим точки зрения актора и наблюдателя по отношению как к национальному, так и к космополитическому подходу, то в итоге получим таблицу с четырьмя ячейками, отражающими возможные изменения точек зрения и реальности. Во всяком случае, можно допустить (хотя это требует особого оптимизма!), что смещение угла зрения от методологического национализма к методологическому космополитизму будет принято. Однако это отнюдь не обязательно как-то повлияет на положение космополитических идеалов в обществе и политике. Так что, будучи оптимистом применительно к космополитическому повороту в общественных науках, можно вместе с тем быть пессимистом в отношении космополитического поворота в реальном мире. Было бы до смешного наивно думать, что изменение научной парадигмы способно привести к ситуации, когда люди, организации и правительства начнут становиться все более открытыми к идеалам космополитизма. Но опять же: если это так, то зачем нам тогда нужен космополитический угол зрения в общественных науках? Наш ответ: для того чтобы понять фактически идущий процесс космополитизации мира.

Подобно тому, как мы различаем «современность» (modernity) и «модернизацию», нам нужно различать *космополитизм* как набор нормативных принципов и (реально существующую) *космополитизацию*. Такое различие предполагает отказ от представления, согласно которому космополитизм — это сознательный и добровольный выбор, причем очень часто выбор элиты. Понятие «космополитизация» призвано привлечь внимание к тому, что возникающая космополитическая реальность есть также, и даже в первую очередь, результат принудительного выбора или побочный эффект неосознанных решений. Решение стать или остаться «чужестранцем» или «негражданином», как правило, бывает недобровольным, являясь скорее ответом на острую необходимость, политические репрессии или угрозу голодной смерти. В этом

смысле «банальный» космополитизм развивается под поверхностью или за фасадом сохраняющихся национальных пространств, юрисдикций и ярлыков, в то время как продолжают подниматься национальные флаги и по-прежнему доминируют национальные установки, идентичности и сознание. С точки зрения высоких стандартов общей и академической морали подобный латентный космополитизм выглядит мелким, не заслуживающим комментирования, даже подозрительным. Идеал, который ранее важно шествовал по мировой исторической сцене в качестве украшения элиты, просто не может незаметно пробраться в социальную и политическую реальность через черный ход. В соответствии с этим мы подчеркиваем центральную роль не только фрагментации, но и эмоционального участия и социальной интеграции как элементов космополитического мира. Это также означает, что процесс космополитизации связан с символом и ритуалом, а не только с идеями, выраженными словами. И именно символ и ритуал превращают философию в личную и социальную идентичность и, следовательно, должны быть объектами социального анализа. Чем значительнее вклад таких ритуалов в персональную убежденность индивида, тем больше критическая масса тех, кого можно вовлечь в космополитические реформаторские движения, будь то движения против глобального неравенства или в защиту прав человека⁹. И чем шире распространяются космополитические ритуалы и символы, тем выше шансы на достижение в будущем космополитического политического порядка. Именно здесь нормативный космополитизм пересекается с эмпирическим. Вместе с тем необходимо помнить, что космополитическая мораль — не единственная исторически важная форма нынешнего глобализованного мира. Другой такой формой является национализм. Нация-государство изначально создавалась из местных единиц, к которым люди испытывали сильную привязанность. Такие локальные привязанности казались им «естественными», а нация-государство — чем-то бездушным и искусственным, *Gesellschaft* в сравнении с локальным *Gemeinschaft*. Но благодаря национальным ритуалам и символам в конечном счете ситуация полностью изменилась. Сегодня многие люди считают национальную идентичность естественной, а космополитическую или мировую — искусственно сконструированной. И они правы. Это действительно искусственная конструкция, если под «искусственным» понимать «сделанное людьми». Но они ошибаются, если полагают, что искусственно созданное не может со временем начать восприниматься как естественное. Искусственное происхождение не остановило нацию-государство. И нет такой причины, по которой оно должно остановить космополитическую мораль. Тем не менее проблема состоит в том, чтобы рассматривать эти моральные порядки не как несовместимые, но как сосуществующие в условиях глобального мира. Космополитизм и национализм не исключают друг друга ни методологически, ни нормативно.

Не может быть никаких сомнений, что космополитизм, переживаемый пассивно и против воли, — это *деформированный* космополитизм.

⁹ Об этом см. Fine 2006: 49—67; McRobbi 2006: 69—86.

То обстоятельство, что фактически существующая космополитизация была достигнута не через борьбу, что ее никто не выбирал и она пришла в мир не как прогресс, опирающийся на моральный авторитет Просвещения, а как нечто искаженное и вульгарное, скрытое в безликих побочных эффектах, сыграло решающую роль в зарождении космополитического реализма в общественных науках. Наша главная цель здесь заключается в том, чтобы указать на различие между моральным идеалом космополитизма (как он выражен в философии Просвещения) и упомянутым выше космополитическим состоянием реальных людей. Это также различие между теорией и практикой. В нашем случае это означает различие между космополитической философией и космополитической социологией.

Космополитизм и глобализация. Но — может нам кто-нибудь возразить — не является ли «космополитизация» просто новым словом для обозначения того, что принято называть глобализацией? Ответ «нет»: глобализация — это то, что происходит «где-то вовне», космополитизация же происходит «изнутри». В отличие от глобализации, космополитизация не предполагает, а разрушает «многослойную модель» мира, в рамках которой локальное и национальное образуют ядро и внутренний слой, а международное и глобальное — слой внешний. Тем самым космополитизация указывает на тот необратимый факт, что люди от Москвы до Парижа, от Рио до Токио уже давно находятся в ситуации *реально существующей взаимозависимости* и что они не в меньшей степени ответственны за усиление такой взаимозависимости через свое производство и потребление, чем порождаемые этим [производством и потреблением] глобальные риски, ставящие под угрозу их повседневную жизнь. В таком случае вопрос заключается в следующем: как нам операционализировать это представление о мире как о совокупности различных культур и расходящихся «современностей»? Космополитизацию нужно рассматривать прежде всего как глобализацию *изнутри*, как *интернализированный* космополитизм. Именно так мы можем вывести за скобки представления о нации-государстве, сделав возможным эмпирическое исследование локально-глобальных явлений. Мы можем формулировать свои вопросы таким образом, чтобы пролить свет на транснациональность, которая возникает внутри наций-государств. Именно так выглядит космополитическая социология.

Космополитические традиции. Если задаться вопросом об интеллектуальных предтечах этой внутренней космополитизации национальных обществ, то на ум приходят Адам Смит, Алексис де Токвиль и Джон Дьюи, а также такие классические немецкие мыслители, как Кант, Гете, Гердер, Гумбольдт, Ницше, Маркс и Зиммель. Все они интерпретировали современный период как переход от изначального состояния относительно закрытых обществ к «универсальной эпохе» (Universelle EPOCHEN, Гете) взаимозависимых обществ, переход, который

обязательно включает в себя расширение торговли и распространение республиканского принципа.

Для Канта и в еще большей степени для Маркса, а также — поразному — для Адама Смита и Георга Зиммеля разрушение мелких территориальных сообществ и распространение всеобщей социальной и экономической взаимозависимости (через пока еще не связанные риски) были «фирменным знаком» и даже законом мировой истории. Поглощенность долгосрочными тенденциями (*long lines*) исторического развития заставила их скептически относиться к представлению о том, что государство и общество в их национально однородном виде могут быть конечной точкой мировой истории. Соответственно, космополитизация включает в себя распространение многосоставных культур (как это случилось с кулинарным искусством со всего мира), развитие огромного числа транснациональных форм жизни, возникновение различных негосударственных политических акторов (от Amnesty International до Всемирной торговой организации), парадоксальное появление глобальных движений протеста, постепенное образование многонациональных государств (типа Европейского союза) и т.д. Проще говоря, нельзя повернуть время вспять — к миру суверенных наций-государств и национальных обществ. Поэтому нам нужна космополитическая социология — хотя бы для того, чтобы понять, почему антикосмополитические движения уже сейчас оказывают влияние на мир, а в будущем могут даже занять в нем господствующее положение.

Космополитический момент. В то время как реальность становится полностью космополитической, наш склад мышления и наше сознание, равно как и избитые модели академического преподавания и научных исследований, скрывают растущую неадекватность национального подхода (и методологического национализма). Критика оторванной от жизни науки национального, которая облачается в универсалистские одежды, но не в состоянии ни отвергнуть свой усвоенный исторически национальный взгляд, ни избавиться от него, требует космополитического подхода и его тщательной методологической проработки. Но в чем разница между латентной космополитизацией и космополитическим подходом?

Это сложный вопрос, который должен рассматриваться под разными углами зрения. Один из возможных ответов: (принудительное) смешение культур не есть нечто новое в мировой истории; напротив, это скорее правило — достаточно вспомнить военные походы в целях грабежа и захвата [территории], массовые миграции, работоторговлю и колониализм, мировые войны, этнические чистки и насильственные репатриации и изгнания. Формирующийся глобальный рынок с самого начала требовал смешения народов и в случае необходимости, как показывает «открытие» Японии и Китая в XIX в., навязывал его. Капитал уничтожает все национальные границы и перемешивает «родное» с «чужим». Новым является не принудительное смешение, а *глобальная*

осведомленность об нем, его осознанное политическое утверждение, его осмысление и опознание мировой общественностью — при посредстве СМИ — в новостях, в глобальных общественных движениях чернокожих, женщин и меньшинств, а также в нынешней моде на такие освященные веками понятия, как «диаспора», в культурологических дисциплинах. Именно эта одновременно социальная и общественно-научная рефлексивность и делает «космополитический подход» одним из ключевых концептов и сюжетов рефлексивной «второй современности».

В связи с этим вопрос о том, присутствует ли сегодня космополитический момент, должен быть преобразован в исследовательскую посылку дня путем постановки следующих вопросов: при каких условиях, с учетом каких ограничений и посредством каких акторов космополитические принципы все же получают практическое воплощение и тем самым обретают устойчивую подлинность? Какие именно принципы и вопреки каким формам сопротивления? В чем специфика космополитического момента в начале третьего тысячелетия и кто или что является его «субъектом»?

Парадигматический и парадоксальный ответ на этот вопрос может быть найден в рамках теории *мирового общества риска*¹⁰. Нацию-государство все больше опутывает и пронизывает общепланетарная сеть взаимозависимостей, например экологических, экономических и террористических рисков, которые связывают воедино особые миры развитых и слаборазвитых стран. В той мере, в какой эта историческая ситуация находит свое отражение в глобальной публичной сфере (последний пример: катастрофа, вызванная цунами), возникает новая историческая реальность, «космополитическая перспектива», когда люди одновременно считают себя частью находящегося под угрозой мира — и своих локальных обстоятельств и истории.

В мировом обществе риска следует выделить как минимум четыре не совпадающих между собой оси конфликта: первая — это кризисы *экологической* (и *технологической*) взаимозависимости, обладающие своей собственной глобальной динамикой; вторая — кризисы *экономической* взаимозависимости, которые на ранних стадиях носят индивидуализированный и национальный характер; третья — угроза, порождаемая кризисами *террористической* взаимозависимости; четвертая — кризис *моральной* взаимозависимости, связанный с распространением режима прав человека.

Несмотря на все существующие между ними различия, у кризисов экологической, экономической, моральной и террористической взаимозависимости тем не менее имеется одна принципиально важная общая черта: они не могут быть истолкованы как порождение внешней среды, но должны быть поняты как действия, эффекты, нестабильности и неопределенности, имеющие культурное происхождение. В этом плане глобальные риски могут усилить глобальное нормативное сознание, создать глобальную общественность и содействовать утверждению космополитического подхода. В мировом обществе риска — и это

центральный момент исследовательской повестки дня — вопрос о причинах и источниках глобальных угроз провоцирует новые политические конфликты, что, в свою очередь, поддерживает «институционализованный космополитизм» в его борьбе за толкования и юрисдикции. Другой стороной «институционализованного космополитизма» является индивидуализм, или интернализированный космополитизм. Вопросы глобального значения становятся частью духовного жизненного мира людей вне зависимости от того, выступают ли они за космополитизм или против него. Космополитический горизонт оказывается институционализирован в наших собственных субъективных жизнях. Соответственно, космополитическая социология возвращает в общественные науки субъект — после того как теория систем и постструктурализм приложили немало усилий для создания бессубъектной общественной науки.

Вместе с тем обусловленные культурой восприятие и толкование риска проводят новые границы. Те группы, страны, культуры и государства, которые одинаковым образом определяют угрозу, можно сказать, «принадлежат ей»; они образуют «внутреннее пространство» «транснационального сообщества риска», которое выстраивает свои очертания и институциональную структуру (национальные и международные игроки и институты) в по большому счету превентивной защите от каких-то факторов и источников опасности. Те, кто по какой-то причине не разделяет такое толкование угрозы, составляют «наружную оболочку» сообщества риска и, даже если хотят сохранить «нейтралитет», легко могут стать частью той угрозы, против которой ведется борьба. Таким образом, конфликты формируются в силу расхождений в восприятии риска между регионами, которые включаются в мировое общество риска с очень разными историческими ситуациями, опытом и ожиданиями.

Эмпирическим доказательством справедливости этого утверждения служит политика в области прав человека. Если права человека начинают трактоваться как необходимое условие автономии все большего числа индивидов, эти индивиды будут «ощущать», что, отстаивая важность соблюдения прав человека применительно к иностранцам и приезжим, они защищают основы своей собственной идентичности. Культурное и политическое разнообразие, обязательное для такой жизни, было постепенно возведено до уровня ключевого политического принципа. Иногда кажется, что принцип разнообразия ценится даже больше, чем принцип представительства, с которым он теперь делит первое место. Примечательная особенность индивидуалистической культуры заключается в том, что она вполне способна вобрать в себя понятие вроде космополитической справедливости — но таким же парадоксальным образом, каким она вобрала в себя экологическую политику. Экология во многом олицетворяет собой консервативную точку зрения. Она принимает ценности местного сообщества и идею взаимной ответственности и переносит их на уровень гражданского общества. По сути, она рассматривает гражданское общество как большое сообщество,

которое должно обладать контролем над окружающей его средой. Она видит в обществе то, что применительно к этим задачам может трактоваться как единое сообщество, хотя оно состоит из очень разных подгрупп и классов.

Все это говорит о том, что повседневный опыт космополитической взаимозависимости отнюдь не строится на взаимной любви. Он возникает в условиях повышенных глобальных угроз, которые неизбежно подталкивают к сотрудничеству. С концептуализацией и признанием угроз космополитического уровня создается общее пространство ответственности и содействия (agency), перекрывающее все национальные границы и деления, в рамках которого политическое действие чужих друг для друга людей может (хотя это и не обязательно) осуществляться по образцу, характерному для национальной политики. Это тот случай, когда признание масштаба общих угроз приводит к космополитическим нормам и соглашениям, а тем самым — к институционализированному космополитизму.

Уже существующие исследования возникновения подобного рода над- и транснациональных организаций и режимов показывают, насколько сложно перейти от согласия относительно характера угроз к согласию относительно того, каким должен быть ответ на эти угрозы. Постоянная коммуникация по поводу угроз — важный компонент неформального становления космополитических норм. Социализирующий эффект мирового общества риска нельзя понять адекватно, если сводить его потенциал к новым институтам успешной глобальной координации, которые только предстоит создать. Еще до того, как начинается формирование космополитических институтов, возмущение обстоятельствами, которые кажутся нетерпимыми, порождает глобальные нормы. Появление глобальных норм не обязательно связано с сознательными усилиями по «позитивному» нормообразованию, оно может иметь и «негативную» природу, будучи следствием осознания глобальных кризисов и угроз человечеству.

Прекрасным примером здесь может служить концепт космополитической памяти. Она не является глобальной, если под этим понимать нечто однородное. Речь скорее идет о некоей смеси локального и национального с глобальным, которое, в свою очередь, никогда не было подлинно глобальным, произрастая из весьма специфических исторических случаев. Такая «космополитизация» памяти потенциально может создать новые солидарности и поддержать глобальные политические и культурные нормы, благоприятствующие эффективному распространению прав человека, — космополитизированная память как практическое просвещение относительно того, как в действительности обстояло дело. Через СМИ и другие средства связи люди втягиваются в цепочки космополитических симпатий, порой даже против собственной воли¹¹.

¹¹ *Levi, Sznaider* 2005.

Таким образом, аналитико-эмпирический космополитизм отграничивает себя от нормативно-политического и одновременно предпо-

лагает его. Подобное различие не только способствует утверждению «внеценностного» подхода в повседневной практике и в эпистемологии мирового общества риска в общественных науках; оно заставляет нас, не пренебрегая нормативным и политическим космополитизмом, определить его границы в мире, который превратился в угрозу для себя самого. По сути, это различие впервые позволяет поставить вопрос о соотношении между категориями и познавательными возможностями космополитического подхода (или критики методологического национализма), с одной стороны, и вопросами космополитической этики и политики, с другой. Как возможны космополитическая демократия, справедливость, солидарность, сообщество, идентичность, право, политика, государство и т.д.? Что означает космополитическое переопределение религии?

**Методологический
космополитизм**

Можно выделить три стадии в использовании кодового слова «глобализация» в общественных науках: первой было отрицание, второй — концептуальное уточнение и эмпирические исследования, третьей — эпистемологический сдвиг.

В меру успешности второй стадии начало появляться понимание того, что при размывании различий между национальным и международным, локальным и глобальным, «нами» и «ими» предметное поле соответствующих общественно-научных дисциплин становится случайным. После эпистемологического сдвига на исследовательскую повестку дня встал вопрос: что происходит, когда допущения и границы, которые определяют предмет эмпирического исследования и теории, разрушаются? Ответ заключается в том, что весь концептуальный мир «национального подхода» освобождается от чар, то есть деонтологизируется, историзируется и перестает быть необходимым. Однако оправдать [такой поворот] и разобраться в его последствиях можно только в рамках интерпретативной альтернативы, заменяющей *онтологию методологией*, то есть происходящего в настоящее время скачка, в результате которого онтология и воображаемое (*imaginary*) национального государства уступают место «методологическому космополитизму».

Этот скачок призван преодолеть наивный универсализм ранней западной социологии. Методологический космополитизм подразумевает восприимчивость и открытость к многим универсальностям, к противоречивым контекстным универсальностям — например, постколониального опыта, критики и вымысла, когда отказ от империи привел к мощной волне иммиграции с окраин (прежней империи) в бывшие центры метрополии. Методологический космополитизм означает также включение других («туземных») социологий — африканской, азиатской и южноамериканской, говорящих о [местном] опыте «сложных современностей» (*entangled modernities*). «Сложные современности» заменили собой дуализм современного и традиционного, указывая на детерриториализированное смешение противоречивых контекстных современностей

в их экономическом, культурном и политическом измерениях и вместе с тем формируя соответствующий образ. По нашему убеждению, методологический национализм, безусловно, причастен к тому, что при прояснении любого смешения принято выделять «влияющие» нации и те, на которые «влияют». Мир порождает все больше подобных смешанных случаев, которые гораздо труднее поддаются осмыслению в характерной для национального видения логике «или-или», нежели в космополитической логике «и-и». Наша интеллектуальная система координат настолько глубоко укоренилась, что такой космополитический стиль мышления остается относительно слабо развитым. Существует ряд вопросов, которые следует поставить и обсудить, чтобы конкретизировать понятие методологического космополитизма. Во-первых, каковы альтернативные, ненациональные единицы исследования? Иными словами, каковы постнациональные концепты социального? Во-вторых, нуждаемся ли мы в «космополитическом понимании» «космополитической герменевтики»? В-третьих, как космополитизм соотносится с универсализмом, релятивизмом и т.д.?

Альтернативные единицы исследования. В отличие от универсализма, космополитизм исходит из того, что существует не один язык космополитизма, а многие языки, речевые практики и грамматики. Если космополитизация означает, что сама реальность — социальные структуры — становится космополитической, то как мы можем наблюдать и исследовать растущую «космополитическую взаимозависимость»? Является ли эта космополитизация национальных обществ в конечном счете *необратимой*? Действительно ли понимание того, что все трагедии нашего времени глобальны по своему происхождению и масштабу, создало глобальный горизонт опыта и ожиданий? Усиливается ли на практике осознание того, что сложилась глобальная сеть ответственности, от которой никто из нас не может уйти? Разве 11 сентября 2001 г. и теракты в Лондоне в июле 2005 г. не свидетельствуют о том, что противники космополитизации могут претендовать на некоторые кровавые «успехи»? Но как это возможно, если космополитизация — неумолимый процесс?

Как же тогда космополитизация и антикосмополитизация могут трактоваться как два конкурирующих и противостоящих друг другу движения, как следствия прогрессирующей внутренней космополитизации реальности? Важно понимать, что нет никакой необходимой связи между внутренней космополитизацией национальных обществ и появлением космополитического сознания, предмета и агента, что бы там ни думали некоторые теоретики культуры. Именно по этой причине сознание и политика принципиально амбивалентны.

Но не верно ли и обратное? Поскольку сознание и политика принципиально амбивалентны, космополитизация реальности набирает силу. Например, все «противники глобализации», подобно своим «оппонентам», используют глобальные средства коммуникации (тем

самым повышая их полезность с точки зрения формирования и продвижения транснациональных движений протеста). Глобализированная экономика может регулироваться исключительно глобально — только те, кто борется за регулирование на глобальном уровне, имеют хоть какие-то шансы на успех. Таким образом, бóльшая часть *антиглобалистского* движения на деле способствует *альтернативной* глобализации.

Как все эти масштабные вопросы преобразовать в исследовательскую повестку дня? Если методологический национализм пронизывает и формирует все, что делается в области общественных наук, как мы можем его преодолеть? Нам нужно создать точку зрения наблюдателя, возрождающую исходное социологическое любопытство и социологическое познание конкретного. Но, бесспорно, в данном случае легче сказать, чем сделать.

Первым шагом будет поиск ответа на сложный вопрос: какие *альтернативные* единицы исследования *за пределами* методологического национализма могут быть теоретически и эмпирически выделены и обоснованы? Как эти исследовательские единицы связаны со специфическими задачами и тематикой конкретного исследовательского проекта? И каковы условия и смысл сравнительного анализа вне рамок методологического национализма?

В Исследовательском центре по рефлексивной модернизации в Мюнхене мы на практике тестируем различные варианты решения этих проблем. В одном исследовательском проекте государствоцентричное различие национальной и международной политики было заменено новой исследовательской единицей «*транснациональные режимы политики*», которая может использоваться в качестве фокуса для теоретического и эмпирического анализа и сравнения. Такая перестройка единицы исследования вне рамок методологического национализма позволяет сделать видимым множество взаимозависимостей не только между государствами, но и между различными политическими акторами в различных измерениях действия. Это может стать важным шагом к денационализации политической науки и утверждению космополитического взгляда на транснациональные пространства, стратегии действий и институты¹².

¹² См. Grande 2004, 2006; Grande Kriesi, Grande 2004.

В другом исследовательском проекте общепринятое отождествление национального общества и национальной истории ставится под сомнение путем использования исследовательской единицы «*транснациональные пространства и культуры памяти*». Подобный сдвиг в фокусе анализа позволяет ввести новый тип сравнения, при котором временные рамки и темы различных транснациональных политик памяти могут быть систематически соотнесены между собой¹³.

¹³ Beck, Levi, Sznaider 2004.

С космополитизацией реальности возникает вопрос о пересмотре основных концептов социального. Должны ли мы подойти к веберовской трактовке социологии как понимания *смысла социального действия* «с космополитическим намерением» (если использовать формулу Канта)? Может ли концепт социальной системы (Толкотт Парсонс)

как хрестоматийный пример методологического национализма действительно быть перестроен в космополитическом духе? Или же понятие системы при любом его толковании, как утверждает Мартин Алброу, сохраняет свою базовую характеристику, ибо сама семантика слова «система» подразумевает тотализирующий дискурс?

«Самый непродуктивный способ постичь реальность глобального века — это заняться поиском того, как вновь придать человеческому обществу форму системы. Теория систем требует четкого представления о том, что составляет систему и какова окружающая ее среда. Для того чтобы сохранить национально-государственное общество в качестве единицы анализа, Парсонсу пришлось отнести другие государственные общества, а также материальный мир к окружающей среде. Это выглядело искусственным даже в 1950-е годы. Национально-государственные общества существуют в том же пространстве, что и другие общества, находясь в состоянии постоянного взаимообмена и взаимодействия. Будучи одной из самоочевидных посылок теории международной политики, это в равной степени относится и к тем институтам, которые ускользают от государственного контроля, включая деньги, информацию, науку, транспорт, технологию и право. Крах советской системы является лишь наиболее ярким примером того, что происходит, когда попытка контроля осуществляется без учета предполагаемых рисков. Другими словами, дискурс тотализации был симптомом перенапряжения нации-государства»¹⁴.

¹⁴ Albrow 1996: 111.

А как обстоит дело с такими базовыми концептуальными идеями 1970-х годов, как «Weltgesellschaft» (Никлас Луман), «мир-системная теория» (Иммануил Валлерстайн), «мировая политика» (Джон Мейер и его группа)? Это более или менее авторитетные социологические теории и исследовательские программы, которые оказывают огромное влияние на международные социологические дискуссии. Их вклад (*surplus value*) в осмысление космополитизации мира требует тщательного изучения. Однако некоторые проблемы могут быть выявлены и доказаны.

С одной стороны, Никлас Луман уже в 1970-е критиковал то, что мы называем методологическим национализмом. С другой стороны, он ввел свой концепт мирового общества как логическое следствие теории коммуникации. Его аргументация заключается в том, что границ для коммуникации в принципе не существует, поэтому может быть только *одно* общество, которое и является мировым, — и все это без какого-либо рассмотрения эмпирических фактов. Таким образом, его гипотеза не может быть ни верифицирована, ни фальсифицирована. Если — аналитически! — существует только мировое общество, нет никакой необходимости, например, изучать новые реалии полувекковой европейской интеграции (*Europeanization*). И в этом кроется еще одна причина того, почему социальная теория «слепа» к Европе.

Мир-системная теория Иммануила Валлерстайна предполагает дуализм национального и международного, равно как и концепция «мировой политики» Джона Мейера. Но хотя обе эти концепции обладают огромным потенциалом в плане производства чрезвычайно интересных

эмпирических интерпретаций, они игнорируют новые исторические факты европейской интеграции (как и системная теория Никласа Лумана). И ни одна из них не учитывает того обстоятельства, что различие, на котором строится их взгляд на мир, а именно между национальной и международной сферами, сейчас растворяется во все еще туманном властном пространстве «глобальной внутренней политики». А ведь это именно то различие, которое помогло придать форму миру «первой современности», включая такие ключевые понятия (и теории), как общество, идентичность, государство, суверенитет, легитимность, насилие и государственная власть.

Методологический космополитизм означает, что нам нужно задаться вопросом: как мы можем осмыслить мир в контексте глобальной динамики, когда остающиеся неясными последствия все более радикальной модернизации фактически устраняют краеугольные камни и логики действий — определенные исторически выработанные фундаментальные различия и базовые институты — национально-государственного порядка? Космополитический реализм подразумевает, что новая глобальная внутренняя политика, которая уже действует здесь и сейчас, поверх различия национального и международного, становится «метавластной» игрой с полностью открытым исходом. Это игра, в которой границы, основные правила и ключевые решения должны быть переопределены — не только между национальной и международной сферами, но и между глобальным бизнесом и государством, транснациональными движениями гражданского общества, наднациональными организациями и национальными правительствами и обществами¹⁵.

¹⁵ Beck 2005.

Космополитическое понимание. В чем и почему XXI столетие резко отличается от Франции 1912 г., когда Дюркгейм опубликовал «Элементарные формы религиозной жизни»? Одно очевидное различие заключается в том, что теперь австралийские аборигены имеют доступ к дюркгеймовской социологии религии — либо через взаимодействие с современными антропологами, либо с помощью образовательных веб-сайтов, либо посредством посещения университетских лекций по социологической теории Дюркгейма. Несмотря на наличие цифрового барьера, космополитическое понимание является дискурсивным, диалогическим и рефлексивным. И если в «Элементарных формах» племя Аунта рассматривалось в качестве пассивного объекта социологического исследования, то современный мир связан воедино как (относительно) целостное пространство в (относительно) синхронном времени. Сетевое общество делает диалог прямым и бесконечным¹⁶.

¹⁶ Turner 2004: 11.

Разрушительный потенциал расхождения между точкой зрения актора, характерной для общества и политики, и точкой зрения наблюдателя, присущей общественным наукам, только возрастает, когда расширившееся число вариантов выбора, открывающихся в результате космополитизации, рассматривается в *обоих* ракурсах. Но тогда становится очевидно, что космополитизация — при взгляде на нее с позиций

¹⁷ О «политике масштаба», то есть о согласовании иерархии и легитимности различных «уровней» социального взаимодействия, см. Brenner 1999, 2000; Tsing 2000; Burawoy et al. 2000.

как агента, так и наблюдателя — должна развиваться в качестве новой *политики перспективы* (отправных точек, режимов доступа, стандартов, рамок, передних и задних планов и т.д.)¹⁷. Отсюда следует, что общественная наука может концептуализировать и тематизировать соответствующие паттерны «транснационального», «глобально-локального», «глобально-национального», «национально-глобального» или «глобально-глобального», сфокусировав внимание на:

- *локальном* (например, транснациональные уклады жизни турок в Лондоне; глобальное сотрудничество и противоборство внутри Всемирной торговой организации; американское правительство или неправительственные организации; конфликты между национальными и муниципальными правительствами по поводу политики рождаемости; борьба с бедностью в Нью-Дели; влияние риска заболевания крупного рогатого скота «коровьим бешенством» на сельскохозяйственное сообщество в Шотландии);
- *национальном* (например, транснациональные формы брака и семьи в различных странах; формы и степень распространенности транснациональной коммуникации в США, России, Китае, Северной Корее и Южной Африке; национальная и языковая принадлежность школьников в разных странах и т.д.);
- *транснациональном* (или *транслокальном*) (так, немецких турок, выработавших транснациональный стиль жизни, перемещаясь между Берлином и Стамбулом, изучают и в Берлине, и в Стамбуле, что подразумевает смену углов зрения, которая ставит национально-государственные структуры Турции и Германии в систематическую зависимость друг от друга (в сфере ценностей, административных правил, культурных стереотипов и т.д., способствующих или препятствующих транснационализации и определяющих ее); транснациональную динамику риска и конфликта, связанных с кризисом «коровьего бешенства», и их восприятие и оценки в культурах различных европейских стран прослеживают посредством сравнительного исследования);
- *глобальном* (как далеко продвинулись внутренняя и внешняя космополитизация сферы национального опыта в конкретных странах, к чему это ведет и какие теоретические, эмпирические и политические выводы отсюда вытекают?).

Таким образом, методологический космополитизм носит не моно-, а мультиперспективный характер. Точнее говоря, он способен и обязан рассматривать и исследовать преодолевающую границы и стирающую их мультиперспективность социальных и политических агентов через очень разные «линзы». Любое единичное явление, например транснациональность, может и даже, вероятно, должно анализироваться и на локальном, и на национальном, и на транснациональном, и на транслокальном, и на глобальном уровне.

В результате встает целый ряд методологических проблем. Как сделать все вышеперечисленное и вытекающую отсюда *политику пер-*

спективы прозрачными и методологически «послушными»? Какие существенные тематико-теоретические последствия имеет применение тех или иных «линз» — и какие социально-политические? И как это, в свою очередь, сказывается на положении общественных наук на национальных, межгосударственных и международных площадках (финансирование, публичное присутствие и легитимация, условия применения)? Как можно методологически справиться с открывшимися в связи с этим запутанностью и случайностью во внутренних и внешних отношениях национальных и международных социологий? Не означает ли это упадка, культурной релятивизации и субъективизации общественных наук? Или же нам нужно ожидать скорее противоположного, а именно того, что общественные науки по-новому сформулируют свою претензию на знание, тематически, методологически и политически выходящее за пределы государства и нации, так что это повлияет на глобальную общественность? Когда и как одна из этих альтернатив станет возможной, вероятной или будет исключена?

Универсализм и космополитизм. Что отличает космополитический подход от универсалистского? И что делает космополитический угол зрения в начале XXI в. «реалистическим», в противовес космополитическому идеализму? Вот лишь несколько соображений на этот счет.

Политический космополитизм на языке социологии отвечает на вопрос: как общества обращаются с различием и границами в условиях глобальных кризисов взаимозависимости?

Следует выделить несколько социальных методик обращения с различием — универсализм, релятивизм, этничность, национализм, космополитизм, мультикультурализм и т.д. Универсалистские практики, например, как, впрочем, и релятивизм и т.д., содержат в себе противоречивые стимулы. На уровне принципа универсализм обязывает нас уважать других как равных, но именно по этой причине он не предполагает ничего, что могло бы вызвать любопытство и уважение к тому, что делает других иными. Напротив, специфика других приносится в жертву допущению о всеобщем равенстве, которое отрицает контекст своего собственного появления и наличие интересов. Тем самым универсализм становится двуликим, [включая в себя] уважение и гегемонию, рациональность и террор. Аналогичным образом, подчеркивание контекста и относительности точек зрения произрастает из стремления признать инаковость других, но, будучи абсолютизировано в мышлении и на практике, оно оборачивается несоизмеримостью углов зрения, что равнозначно изначально заложенному неведению.

Вывод: реалистический космополитизм должен пониматься, развиваться и практиковаться не как нечто существующее само по себе, но в *инклюзивной* связи с универсализмом, контекстуальностью, национализмом, транснационализмом и т.д. Это именно та особая комбинация семантических элементов, которую космополитический угол зрения

разделяет с универсалистским, релятивистским и национальным подходами и которая в тоже время отличает его от них.

Реалистический космополитизм подразумевает наличие *универсалистского минимума*, охватывающего ряд субстанциальных норм, которые должны поддерживаться любой ценой. То, что женщин и детей нельзя продавать или обращать в рабство и что люди должны иметь возможность свободно рассуждать о Боге или о своем правительстве, не опасаясь подвергнуться пыткам или лишиться жизни, настолько очевидно, что никакое нарушение этих принципов не может быть принято космополитизмом. И если у нас есть достаточно оснований полагать, что большая часть людей в случае необходимости готова встать на защиту этих минимальных универсальных норм, где бы они ни нарушались, мы можем говорить о «космополитическом здравом смысле».

С другой стороны, реалистический космополитизм включает в себя универсальные процедурные нормы, поскольку только они позволяют регулировать способы обращения с различием поверх культур. Соответственно, реалистический космополитизм тоже должен сталкиваться с болезненными вопросами и дилеммами, подобными *дилемме универсализма—плюрализма*: космополитизм один или их несколько?

Должно ли признание свободы других в равной степени относиться и к деспотам, и к демократам, к антикосмополитическим хищникам и тем, кого они угнетают? Иными словами, реалистическим космополитам нужно смириться с наличием *дилеммы терпимости—насилия*, особенно чуждой космополитическому мышлению, поняв, что, делая признание других ядром своего представления об обществе и политике, космополитизм создает врагов, которых можно сдерживать исключительно силой. Поэтому он должен принять следующее противоречие: для того чтобы отстоять такие базовые принципы, как защита индивидуальных свобод и поддержание различия, иногда бывает необходимо ими поступиться.

Наконец, существует *дилемма национализма—космополитизма*: космополитизм не только отвергает национализм, но и предполагает его в качестве предварительного условия. Без стабилизирующих факторов, который предоставляет национализм для управления различием, космополитизму угрожает опасность затеряться в философской пустыне. Но может ли быть много «космополитических национализмов» и «национальных космополитизмов»?

Заключение:
методологический
космополитизм и
его соотношение
с другими [иссле-
довательскими]
направлениями

Как все это связано с послевоенной социологической мыслью? В 1960-е годы доминирующими интеллектуальными течениями были *Франкфуртская школа* и *критическая теория*, в 1970-х и 1980-х годах эту роль взяли на себя *французские постмодернисты*, а сейчас космополитический «коктейль» в британской социологии может дать начало космополитическому видению в гуманитарных и общественных науках. Это открывает новые предметные области и исследовательские

проекты, которые, как мы надеемся, будут стимулированы этим выпуском [British Journal of Sociology]. В то же время методологический космополитизм вырастает из трех направлений социологических исследований и практики, развивая их.

Первое направление возникает на основе старой повестки дня послевоенной социологической теории и пытается интегрировать ее в рамки нового космополитического социологического воображения XXI в. Послевоенные теоретические споры в западноевропейской, особенно британской, социологии были в значительной степени сосредоточены на соотношении между социальным классом, расой, полом и государством всеобщего благосостояния как эгалитарным актором расширяющегося гражданства. Социология тогда была озабочена «возвращением государства». Именно класс, и прежде всего рост рабочего класса, рассматривался в то время в качестве ключевой социальной проблемы, и ее решение связывалось со сплоченностью нации-государства. Так, в методологическом национализме Эмиля Дюркгейма «братство» превратилось в сплоченность и национальную интеграцию.

Новая исследовательская повестка дня выдвигает на первый план социетальные отношения, не связанные с нацией-государством. «Общество» больше не кажется находящимся под чьим-то контролем. Таким образом, в условиях космополитической констелляции социологию интересует формирование пост- и межнациональных связей, то есть то, кого они охватывают, а кого нет, и природа включения и исключения. Поэтому новая повестка дня предполагает не очередной «отказ от государства», а скорее осмысление того, как в условиях космополитической констелляции государства трансформируются, как появляются новые негосударственные акторы и может возникнуть новый тип космополитического государства. Подобное постнациональное государственное образование уже больше не является «общей волей» современной демократии, как ее отобразил Жан Жак Руссо применительно к нации и из чего впоследствии выросли социологические теории Дюркгейма и Вебера. «Общая воля» Руссо была не только основой современного релятивизма, она была также основой современного понимания нации как высшей реальности, представляющей собой не совокупность членов, а нечто единое, примирившее свободу и детерминизм. Это было рождение общества как национального общества, ибо *общая воля* всегда должна быть общей в своем объекте и субъекте, а она является общей только в том случае, если действует повсеместно — то есть, когда кто-то что-то решает, это относится ко всем. Сейчас общее называют универсальным, а универсальное считается нацией. Именно так методологический национализм и оказался связан с универсализмом в социологической теории. Брайан Тернер¹⁸ и Жерар Деланти¹⁹ проблематизировали связь между старой и новой повесткой дня в построении социологических теорий. Их статьи протянули мост, сделавший возможным переход к новой повестке дня. Очерки Бронислава Шершинского и Джона Урри²⁰, а также Эдгара Гранде²¹ продвинули новую повестку

¹⁸ Turner 2006: 133—151.

¹⁹ Delanty 2006: 25—47.

²⁰ Szerszynski, Urry 2006: 113—131.

²¹ Grande 2006: 87—111.

дня еще на шаг вперед. В первом на основе анализа мобильности и пространства демонстрируется, как пространство может быть деконструировано и открыто для космополитической социологии. Эдгар Гранде поднимает на новый уровень науку о государстве, показывая, что методологический космополитизм может сделать для материнской науки о национализме и государстве.

Второе направление, из которого вырастает методологический космополитизм, — это культурный партикуляризм в его постколониальной, феминистской или культурологической версии. Методологический космополитизм должен иметь представление о «стратегическом эссенциализме», в рамках которого так называемые «эссенциалистские» группы выдвигают свои позитивные требования, утверждая, что социальные связи и нравственные чувства основаны на специфическом и поэтому социологии как науке о моральном следует теоретически осмыслить особенное. Эти теории особенного не противостоят упомянутым выше универсальным теориям нации, но дополняют их и взаимодействуют с ними. Теории особенного противостоят гомогенизирующей природе универсальных теорий, осознавая и критикуя то, каким универсализующим может быть универсализм. Но, с другой стороны, они создают для этих теорий когнитивный, моральный или политический контекст, лишенный универсального горизонта. В очерке Анжелы Макробби²² предпринята попытка раскрыть важность и дилеммы таких контекстуализированных теорий и показать, как их можно плодотворно использовать для по-новому понятого методологического космополитизма.

²² *McRobbie 2006:*
69—86.

Третье направление соединяет в себе первые два. Это направление нормативной общественной науки, приверженцы которой прочитывают Канта как социолога. Оно базируется на сочетании морального универсализма и космополитизма XVIII в. и концентрирует внимание не на обществе, а на (международной) политике как своем главном предметном поле. Подобного рода космополитические нормативные теории склонны игнорировать общество и более банальные формы его повседневного бытия. Они противопоставляют чистую, облагораживающую общественную жизнь сковывающей и стесняющей частной жизни. Тем не менее в условиях взаимозависимого глобального мира, глобальности риска и далеко зашедшего разделения труда каждый акт производства и потребления и каждое действие в повседневной жизни связывает акторов с миллионами невидимых других. Это то, что означает общественная жизнь в космополитических условиях. Это создает моральный горизонт для по-новому понятой формы космополитизма, порой банального, а порой — морального. Роберт Файн демонстрирует, как это работает в ситуации катастрофы, какие могут быть социологические предпосылки для военного вмешательства и как они связаны с предпосылками социальными²³.

²³ *Fine 2006:*
49—67.

Методологический космополитизм, таким образом, означает не конец нации, а ее трансформацию. Это обновленная исследовательская

повестка дня, пытающаяся вернуть социологию к ее объекту — реальности, которая, конечно, должна быть показана в деталях и которая является уже не национальной или международной, но космополитической. Это открывает горизонт для космополитического реализма Новой критической теории, обладающей сильными позициями в своем противостоянии ретрогрессивному идеализму национального подхода в политике, исследованиях и теории.

Библиография

- Albrow M.** 1996. *The Global Age*. — L.: Polity Press.
- Arendt H.** 1958. *The Human Condition*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Beck U.** 1999. *World Risk Society*. — L.: Polity Press.
- Beck U.** 2005. *Power in the Global Age*. — L.: Polity Press.
- Beck U., Bonss W., Lau C.** 2003. The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypothesis and Research Programme // *Theory, Culture and Society*. Vol. 20. № 2.
- Beck U., Grande E.** 2006. *Cosmopolitan Europe*. — L.: Polity Press.
- Beck U., Lau C.** 2005. Second Modernity as Research Agenda // *British Journal of Sociology*. Vol. 56. № 4.
- Beck U., Levy D., Sznaider N.** 2004. Erinnerung und Vergebung in der Zweiten Moderne // Beck U., Lau C. (Hrsg.) *Entgrenzung und Entscheidung: Was ist neu an der Theorie reflexiver Modernisierung? Edition Zweite Moderne*. — Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Beck U., Sznaider N.** 2006. A Literature on Cosmopolitanism: An Overview // *British Journal of Sociology*. Vol. 57. № 1.
- Brenner N.** 1999. Beyond State-centrism? Space, Territoriality and Geographical Scale in Globalization Studies // *Theory and Society*. Vol. 28. № 2.
- Brenner N.** 2000. The Urban Question as a Scale Question: Reflections on Henri Lefebvre, Urban Theory and the Politics of Scale // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 24. № 2.
- Burawoy M.** 2005. The Critical Turn to Public Sociology // *Critical Sociology*. Vol. 33. № 5.
- Burawoy M., Blum J.A., George S., Gille Z., Gowan T.** 2000. *Global Ethnography: Forces, Connections and Imaginations in a Postmodern World*. — Berkeley: University of California Press.
- Delanty G.** 2006. The Cosmopolitan Imagination: Critical Cosmopolitanism and Social Theory // *The British Journal of Sociology*. Vol. 57. № 1.
- Fine R.** 2006. Cosmopolitanism and Violence: Difficulties of Judgment // *British Journal of Sociology*. Vol. 57. № 1.
- Goethe J.W.** 1909. *Briefwechsel mit Wilhelm und Alexander von Humboldt*. — L., Berlin.
- Grande E.** 2004. Vom Nationalstaat zum transnationalen Politikregime — Staatliche Steuerungsfähigkeit im Zeitalter der Globalisierung // Beck U., Lau C. (Hrsg.) *Entgrenzung und Entscheidung: Was ist neu an der*

Theorie reflexiver Modernisierung? Edition Zweite Moderne. — Frankfurt a.M.: Suhrkamp.

Grande E. 2006. Cosmopolitan Political Science // *British Journal of Sociology*. Vol. 57. № 1.

Kriesi H., Grande E. 2004. Nationaler politischer Wandel in entgrenzten Räumen // Beck U., Lau C. (Hrsg.) *Entgrenzung und Entscheidung: Was ist neu an der Theorie reflexiver Modernisierung? Edition Zweite Moderne.* — Frankfurt a.M.: Suhrkamp.

Lakatos I. 1970. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // Lakatos I., Musgrave A. (eds.) *Criticism and the Growth of Knowledge.* — Cambridge (MA): Cambridge University Press.

Levy D., Sznajder N. 2005. *The Holocaust and Memory in the Global Age.* — Philadelphia: Temple University Press.

Luhmann N. 1975. Die Weltgesellschaft // Luhmann N. *Soziologische Aufklärung*. Vol. 2. — Frankfurt: Suhrkamp.

Lyotard J.-F. 1984. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge.* — Manchester: Manchester University Press.

McRobbie A. 2006. Vulnerability, Violence and (Cosmopolitan) Ethics: Butler's Precarious Life // *British Journal of Sociology*. Vol. 57. № 1.

Meyer J. 1987. The World Polity and the Authority of the Nation-State // Thomas G., Meyer J., Ramirez F., Boli J. (eds.) *Institutional Structure: Constituting State, Society, and the Individual.* — Newbury Park: Sage.

Shaw M. 2000. *Theory of the Global State: Globality as Unfinished Revolution.* — Cambridge (MA): Cambridge University Press.

Szerszynski B., Urry J. 2006. Visuality, Mobility and the Cosmopolitan: Inhabiting The World From Afar // *British Journal of Sociology*. Vol. 57. № 1.

Tsing A. 2000. The Global Situation // *Cultural Anthropology*. Vol. 15. № 3.

Turner B. 2004. *Classical Sociology and Cosmopolitanism.* — London School of Economics (unpublished paper).

Turner B.S. 2006. Classical Sociology and Cosmopolitanism: A Critical Defense of the Social // *British Journal of Sociology*. Vol. 57. № 1.

Wallerstein I. 1974. *The Modern World-System.* — N.Y.: Academic Press.

Weber M. 1949. *The Methodology of the Social Sciences.* — N.Y.: Free Press.

Weber M. 2002. *Max Weber Schriften 1892—1922.* — Stuttgart: Kroeber Verlag.

Перевод с английского А.Кустова